* * *
Ах, какая рябина горит за окном!
Всё горит и не гаснет
ни ночью, ни днём,
Ни в дожди проливные,
ни в звездную стынь,
Уж такая судьба у осенних рябин.
Приголубит ли солнце холодным лучом,
Отзовётся рябина веселым огнём.
Или стужа-обида хлестнёт по щекам,
Только ярче рябина назло холодам.
Ей и время – не время,
печаль – не печаль.
Ей светить бы кому-то
сквозь стылую даль,
И, сгорая самой, стать кому-то теплом…
Ах, какая рябина горит за окном!

* * *
Подняться в час, когда рассвет
Еще совсем не обозначен,
Когда в помине даже нет
Неуловимых тех примет,
В которых день грядущий зачат.

Идти по травам не спеша,
Туда, где оживает солнце,
Туда, где справа от Ковша,
Зари высокая душа
Над сонный полем распахнется.

Спешить, спешить навстречу к ней
В тоске по буйству ярких красок
И с каждым шагом все ясней
Предвидеть пиршество огней
И верить, верить… И напрасно…

А в час, когда уж ночь видна,
Когда все горестней утраты,
Когда усталость лишь одна
Жизнь исчерпала всю до дна,
Вдруг увидать салют заката.

И, вспомнив жизни круговерть,
Закрыть плотней у дома двери,
И ни о чем не пожалеть,
И на огонь в печи смотреть,
И душу в том не разуверить.

* * *
Те, кого мы любим, высоки
В помыслах своих и в каждом слове.
К их ногам приносим мы любови,
Словно неоплатные долги.
Те, кто любит нас, нам все простят,
Не тая обиды ни крупицы.
Ну, а если выпадет проститься,
Нас они вослед благословят.

Кто в любви соединил сердца,
Стали ветром и рекой, и вьюгой…
Обретая каждый миг друг в друге
Целый мир без края и конца.

ВЕТЕР В ГОРОДЕ
О, как желанна неба высота!
Но руки переломаны, и раны
Пронзает болью улиц теснота
И площадей бетонные капканы.
Цепляясь за карнизы, витражи,
В кровь изодрав упрямые ладони,
Он рвется вверх,
туда, где этажи
Устали от бессмысленной погони.
Но в этой схватке все предрешено.
И падает он навзничь на ограды,
И, приподнявшись чуть, стучит в окно,
Как будто просит у людей пощады.

* * *
Вот из-под крон взлетела птица
И крик тревожный взвился ввысь.
– Не бойся, малая! Продлится
Птенцов беспомощная жизнь.
Не бойся, птаха, человека.
Зачем ему твоя беда?
Храни от птичьего набега
Благополучие гнезда.
Храни его от сов ночами,
А днём от ястребов храни.
Ведь нам приходятся врагами
Те существа, что нам сродни.
Вот и тебе совсем не надо,
Чтоб не стихала боль во мне.
Но никогда не жди пощады
От самых ближних на земле.

* * *
Я красоту во всем искал
И находил, не жалуясь.
И то в большом её встречал,
То в незаметной малости.
Она то броска, то скромна,
То изнутри просвечена…
Шумит в проталинах весна,
Идет навстречу женщина.
Кусочек неба на плечах,
В цветах веселых платьице,
И свет доверчивый в очах
К любой травинке ластится.
Как будто ей на много лет
Лишь радости обещаны…
О, ничего прекрасней нет
Лица счастливой женщины.

ЖЕНЩИНА В ГОЛУБОМ
Сколько было начал?
Ты стоишь одиноко
За поземкою дней,
за словами, за встречами,
И уводит к тебе не земная дорога,
А пути, что светлей
и туманней, чем млечные.

Исповедую жизнь
ни последний, ни первый,
Не надежду, а хлеб
подавая голодному,
Я к тебе прикасаюсь,
как страждущий веры
Прикасается к Гробу Господнему.

Я к тебе прихожу
не в реальности буден,
А как в сказку приходят
уснувшие дети.
И стучат монотонно
в раскрашенный бубен,
Как шаманы несбывшиеся рассветы.

Сколько было начал?
Вот опять все по-старому,
Я иду. Ты все ближе и ближе. И кажется
Не дойти до тебя
можно разве что слабому,
Ну а слабый к тебе и пойти не отважится.

Я в глазах узнаю
твоих сполохи радости,
Эти линии гордых мадонн Рафаэля,
Только это скитающиеся туманности,
Только это играют со мною метели.

Нам с тобою
одни лишь разлуки обещаны.
Потому и придумано расстояние,
Чтоб воскресла легенда
о верности женщины,
Чтоб о Сольвейг ожило бы
снова предание.

Сколько было начал?
Гаснут лампы неловко.
Вот еще один день утомительно прожит.
И любовь, как удачливая торговка,
Свое сытое тело приносит на ложе.

И сквозь стены квартир
сны удушливо ломятся.
Но, над ночью глухой
на неверность не сетуя,
Над тревогами быта,
над болью бессонницы
Вновь являешься ты, в голубое одетая.
И опять мне пути открываются млечные,
И опять эта сказка мне с нами обещана,
Где за далью разлук,
за словами, за встречами
Воскресает, как утро,
легенда о женщине.

ВАЛУНЫ
Плечом к плечу, смыкая строй,
Они лежат среди песчинок,
Верша свой вечный поединок
С веками, небом и собой.
И в час, когда всего темней,
Когда все звуки ночи глуше,
Вздыхают камни, словно души
Неведомых богатырей.

Что их когда-то потрясло
Так, что они окаменели?
Русь защитить ли не поспели,
Иль так велело ремесло?
Что значат сколы и рубцы?
Следы минувших ли сражений
Иль тяжесть правды и сомнений,
Что не осилили бойцы?

Или Обида-дева вдруг
Вселилась в души исполинов,
Что не позвали их, былинных,
Когда врагов смыкался круг?
И там, где их застал закат
На русском поле бездорожном,
Они уснули сном тревожным
И с той поры поныне спят.

Но в день России роковой
Они поднимутся стоверстно,
Шеломом упираясь в звезды
И в океан ступив стопой.

Сны, отряхнув, они придут,
Чтоб отвести в своем всесилье
Не только горести России,
Но мира общую беду.

У БРАТСКОЙ ПЛОТИНЫ
Через поселок медленно к плотине
Я шел, раскрыв рубашки отворот.
Сентябрь был. Но не было в помине
Осенней стужи северных широт.
Горели листья пламенем усталым
На молодых осинах у тропы,
И шли навстречу по заросшим скалам
Ко мне высоковольтные столбы.

Я всматривался
в землю под ногами,
Как будто ждал увидеть вдруг на ней
Легенды, превратившиеся в камни,
И камни, ставшие
легендой наших дней.
Я вслушивался в ровный и покорный
Гул Ангары у горла Падуна,
Чтобы услыхать победные аккорды,
Которыми заполнена страна.

Но шаг за шагом подходя к плотине,
Я видел, как сквозь
глянцеватый блеск
Мерцали тускло валуны, как спины
Строителей легенды-ГЭС.
Я видел, как бетонная громада
Смотрела, вскинув козырек моста,
Таким усталым
равнодушным взглядом
На эти знаменитые места.
И на граните по-мужски суровом
Я видел пальцев содранных следы,
Я видел сосны тихие, как вдовы,
У покоренной все-таки воды.

…Романтика, таежные легенды,
Вам не нужны высокие слова.
Вы не из тех,
кто ждет аплодисменты
И праздников лихие торжества.
Вы там, где снова
бесприютной птицей
Взлетел над глухоманью непокой,
Где свежий ветер высекает лица
Из серого гранита над рекой.

…А здесь у Братска тишина.
Туристы
Торопятся в автобусный салон.
Летят с осины бронзовые листья
На клумбами украшенный бетон.

ПЕРЕД БУРЕЙ
День посуровел.
И тайга
Ряды передние сомкнула.
И заворошилась на скулах
Крутая тяжесть желвака.
У строя лиственниц сошлись
Березы, словно ополченье,
Стоят, готовые к сраженью
За каждый ствол, за каждый лист.
…Утихнет битва.
На краю
Заря победно вскинет знамя,
И тишина придет, как память
О павших в яростном бою.

* * *
Это вечное солнце Рериха,
Это гордая вера его
В красоту и её торжество,
В непреложность земли и лемеха.
Это гор взгроможденных величие
И тревожно дымящийся день,
И Христа упавшая тень
На застывшее в камне язычество.

Ты прими всё вокруг, как видится,
Ты узнай эту тайную страсть –
Верить в слабость и верить во власть
Неразгаданного Провидца.
Пусть тебя уведёт долблёнка
По густой кровавой реке,
Чтобы где-нибудь вдалеке
Мир узнал ты сердцем ребёнка.

Чтобы древних стен безмятежность
Ты за истину принял вдруг,
И на миг хоть замкнулся круг
Бесконечных дорог надежды.
А потом, возвратясь в действительность
И наивности посмеясь,
Ты увидишь другую связь
И другую узнаешь истинность,
Мир откроет новые дальности
И надежд, и мыслей, и слов…
Но останется тайный зов
В эту сказочную реальность.

* * *
К Престолу Божьему, влача свои крыла,
Душа уснувшего однажды приползла.
– Смотри, Господь,
за малый срок земной
Что оболочка сделала со мной. –
Глубокий вздох потряс святую рать. –
А скоро ль срок ей, бренной, помирать?

Архангел, книгу полистав судеб,
Печально рек:
– Поест, однако, хлеб.
И ангелы взмолились:
– Отче наш!
Приют ей, грешной, днесь и присно дашь?
Исчадье ада – тело усмири!
Зачем оно, коль нет души внутри?

Всевышний подождал,
пока умолкнет речь.
– Что тело бренное. Игра не стоит свеч.
Продли, архангел, оболочке дни.
А ты, душа, себя токмо вини.
Ступай назад, судьбе не прекословь.
В смирении обрящешь ты любовь.

И поползла обратно в свой удел,
Который улыбался и храпел,
Протиснулась меж рёбер, чуть дыша,
И услыхала:
– Ну, держись, душа!

* * *
Вздрагивают листья на деревьях,
Дождь идет который день подряд.
Как гласит народное поверье:
Это предки с нами говорят.
Их язык разнообразно тёмен,
Даже капля таинством полна,
Словно взгляд святого на иконе,
Как виденье утреннего сна.

Мне совсем непостижимо свойство –
Понимать посланье с небеси,
Но меня терзает беспокойство
За судьбу деревни на Руси.

Отзовется шорохом ракита,
Сбрасывая сумерки с ветвей.
И тогда послышится молитва
О спасенье брошенных полей.

На дороге мутных луж разливы,
Спит река в заросших берегах.
Разве они не были счастливы –
Бабушки в вигоневых платках?
Разве под гармони не плясали,
Молодость теряя в трудоднях?
Разве нам любить не завещали
Родину на русских росстанях?

Знать бы, что послания их значат,
И тогда грядущее поймешь.
Тихо так, как будто в полуплаче,
Затихает на рассвете дождь.

ВЕЩАЯ ПТИЦА
В запредельных краях с незапамятных лет
Начинался полёт этой птицы-вещуньи.
Над пустынной землёй загорался рассвет,
И божественный замысел
замер в раздумье.
А когда стал незыблемым времени счёт,
И наполнился хаос
бессмертным твореньем,
Из невидимых сфер возникает полёт
Вещей птицы то в знаках,
то в снах, то в знаменьях.

Разгадать их значенье бессилен наш ум,
Может быть, лишь душа,
порождённая духом,
Вдруг поймёт тайный смысл
в напряжении дум
Тем открытым пророку
божественным слухом.
Сколько было таких откровений дано
Человеку, чтоб в истинах не заблудиться,
То посланием неба, то тайным числом
Говорила о будущем вещая птица.

И над тьмой поднимался
спасительный крест,
Лик Земли изменялся
в бессонной работе.
Но всё чаще и чаще небесная весть
Растворялась в земных
наслаждениях плоти.
Мир не верил, смеясь, в роковое число,
Но не знала усталости вещая птица:
Сто пророков и сто ясновидцев звало
С покаянием грешной душе помолиться.

А над русской землёй полыхала звезда
От полярных широт
до пустынных барханов,
И мистической тайной казалась судьба
Поднебесной России меж трёх океанов.
От столетья к столетью
сквозь гнёт и разлад
Шёл народ её с верою в светлое братство,
Что наступят навек справедливость и лад,
И сподобятся совести власть и богатство.

Год за годом монах о прозренье молил.
И как знак, как знаменье,
как странное что-то,
На кремлёвской стене у надгробья могил
Села птица, исторгнув
всю тяжесть полёта.
Беспощадное время стирает следы,
Мир наживы и страсти забудет пророков.
И на Землю падёт тень грядущей беды,
И звезда пролетит
чёрной меткой с Востока.

Николай БЕСЕДИН

Вещая птица

* * *
Вечности ветер, времени дым,
Все, что успеешь вдохнуть молодым,
Холод колодца из полных горстей,
Шум океана, лепет детей,
Матери песни, голос отца,
Все, что нельзя исчерпать до конца,
Все это в сердце горит у меня.
Дыма отечества нет без огня.

* * *
За детство столько снега намело,
Что до сих пор я от него немею.
Новосибирск – не Царское Село,
И не было в Закаменке лицея.
Среди друзей ничем я не был славен
И всем стихам предпочитал футбол,
И не заметил нас старик Державин,
И в грузчики направил комсомол.
Но, кажется, в том времени былом
Справлялся я и с этим ремеслом.

Потом уже в туманном Ленинграде,
Где нам преподавали интеграл,
Я слишком много времени терял,
Исписывая рифмами тетради.
Мои друзья, прилежные курсанты,
Учились покорять девятый вал,
А старшина бранил мои таланты
И часто увольнения лишал.
Но и сейчас в душе моей живут
Те волны, где друзья мои плывут.

Москва казалась мне многоязыкой,
Я до сих пор к столице не привык,
Да и её смущает мой язык,
Свободный стих, для нас и ныне *дикой*.
Но вы, друзья, где вы в пределах света
Блуждаете, я вспоминаю вас
Среди имён, которыми сейчас
Моя душа мятежная согрета:
Вы для меня превыше вещих муз –
Друзья мои, прекрасен наш союз!

ПОЭТ – АСТРОНАВТУ
Над нашей земной твердыней
Бездна кажется синей,
Но выше она страшней.
И мрак её и сиянье –
Великое испытанье
Для тех, кто летит над ней.

Меж чёрной и белой бездной
Лети стрелою железной
По вычисленному лучу.
Куда бы твой свет ни канул,
В какую из звёздных гранул,
Я вслед за тобой лечу.

Меж бездной белой и чёрной
Иглою огнеупорной,
Петь заставляя тишь,
Как искра и эхо жизни,
С памятью об отчизне
Ты следом за мной летишь.

Меж бездной чёрной и белой
Мост лучезарный сделай
Из наших прожитых лет!
Суть жизни – соединенье,
И мы во времени звенья,
И вечно друг другу вслед.

РАСКЛЕЙЩИК АФИШ
Когда на улицах предутренняя тишь,
К своим обычным стенам и колоннам
Торопятся расклейщики афиш,
Чтоб город к утру вышел обновленным.

Ведь у людей их утренний уют
Нарушить могут ссора или стирка.
Но по афишам люди узнают
О праздниках или приезде цирка.

И это значит – будет день продлен
Огромной электрической ареной
И детский будет вспоминаться сон
У клоуна в улыбке непременной.

Ты в этом сне себя счастливым мнишь,
Как будто в цирк прокрался без билета,
И хочешь быть расклейщиком афиш,
Кричащих о прибытии рассвета.

ЛУННАЯ ФАНТАЗИЯ
Некто, забитый бытом,
Досуга искал по уму,
Письма писал селенитам,
И те отвечали ему.

Его величали желанным,
Хвалили его материк,
И тихим его океанам
Сулили за бликом блик.

* * *
Когда душа отторгнута от тела,
восторг мгновенный:
наконец не тесно!
И вдруг сникает в поисках предела
и в страхе постигает: бестелесна…

И невозможно, нечем оглянуться,
чтобы увидеть то, что ныне – прах,
то, что её носило на руках
и не давало спрятаться, замкнуться,

то, в чем порой её бросало в дрожь,
чему души порой так не хватало,
что – смертное –
бессмертной рисковало
и верило: меня переживешь…

И вот она летит, не зная: что я?
Среди живых уже ей места нет,
и мертвое пространство беспокоя,
другой души нащупывает след.

ДЕРЕВО СВЕТА
Где бы ты ни был, везде
Счастья примета:
Видишь в вечерней воде
Дерево света?

Будет зима, и весна через край,
Будет и лето,
Будет и время сбирать урожай
С озера света.

ВРЕМЯ СВЕТА
Дар садов и озер –
Время восхода.
Свет – освещенный простор,
Совесть, свобода.

Все это в сердце. И свет
Славен заветом.
Дерево, озеро – след
Ставшего светом!

Будущий свет заключен
В утлых скорлупах.
Прахом становится он
От прикосновения глупых.

Мудрый может извлечь
Свет без изъяна.
Вечный источник – речь
Без лукавств и обмана.

Строго выращивай сад.
Веруй в призванье.

БИТВА ПОД ИЕРИХОНОМ
Словом
останавливали солнце
на время битвы.

А нам всю нашу жизнь биться
в поисках слова,

которое остановит все битвы
ради жизни
под этим
Слову подвластным солнцем.

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА
Солнечная система
это подшипник
утверждал один техник

Мы только смазка
между землей и небом

Скользкие мы люди
утверждал техник

Если бы мы стояли на своем
солнце
никогда бы
не заходило

ЭСХАТОЛОГИЯ
Ожидаю бунта обезьян
Не бессмысленного
и беспощадного
Но беспощадного и осмысленного
Пока до обезьян
еще долго доходит правда
Что они были прежде нас
И значит они
исторически важнее нас
И потому они
должны вытеснить нас
Из наших тесных городских клеток
Об этом учат их другие
продвинутые обезьяны
Что пора уже выдвигаться
стройными рядами
Из лесных дебрей
на опушку леса
Надо еще только дождаться
Когда их понесут вперед
На винтах своих древних корней
Военные корабли деревьев
Которые тоже были еще прежде нас
И с вершин которых хорошо видно
Где затаился исторический человек
В нетерпеливом ожидании
Конца своей хорошей истории

ЗАБЛУЖДЕНИЯ
Будь выше добра и зла
И думай, что сам неплох –
Со смехом твои дела
Смешает лихой скоморох.

Всюду поспеть спеши
И думай – идешь вперед,
Но все же в тебе души
Жар-птица не признает.

Считай, будто все постиг,
Что всяк пред тобой убог –
И от тебя в этот миг
Укатится колобок.

Реши, что в науке любой
Ты достиг мастерства –
А в этот миг над тобой
Подтрунивает трын-трава…

* * *
Не добрести до доблести,
Не доспешить до чести,
Эти высокие области
Лежат в заповедном месте.

Но доблести можно добиться
Сердцем, хранящим честь.
И будет свет находиться
Там, где ты есть.

РАЙСКИЕ ПТИЦЫ ПОЭЗИИ
Райские птицы поэзии
Порхают по полинезии
Авторские права их
Незыблемы на гаваях
Их песни летят до небес
Над островом целебес
Сводит с ума их слава
Острова суматра и ява
Они в моде на мадагаскаре
Им цены нет на птичьем базаре
И все эти птицы-колибри
Вещают о русском верлибре
А здесь в родимом краю
Я, серая птица, пою

Вячеслав КУПРИЯНОВ

Как хорошо, что земля еще шар...

Они ему делали знаки,
Рисуя на лунном челе,
Что слышат, как воют собаки
На белой-белой земле.

А это подобно чуду:
Видеть с лунного дна,
Как влюбленных повсюду
Разводит, сводит луна.

Он письма хранил в архивах
И прятал их от невест.
О лунных его перспективах
Не ведал никто окрест.

ХУДОЖНИК
Полет листвы стремясь остановить,
её паденью пылкому переча,
художник подставляет полотно
под это неуклонное движенье.

Художник хочет ветер воплотить,
ведь с дуновеньем,
как с подругой встреча,
с которой расставаньем суждено,
как неизбежной встречи продолженье.

Всей осенью предчувствуя весну,
он наделяет мир штрихами трав.
Он отдает все краски полотну,
из полотна всю
бледность исчерпав.

И наконец художник недоволен,
когда весь мир небрежен, как эскиз.
Бредет художник мимо колоколен,
глаза шальные опуская вниз.

Он, в этом мире существуя странно,
с твореньем хочет
чувствовать родство,
гордиться Гойей, осязать Сезанна
и презирать себя лишь одного.

Взор подними и прищурь:
Корни – светила.
Не потускнела лазурь,
Даль не остыла.

Нет и не будет потерь,
Только слиянья.
Утром очнись и измерь
Бездну сиянья!

Кроной распахнут восход,
Листьям просторно.
Дерево света растет,
В нас его зерна.

Нет и не будет обид.
Сердце согрето,
Если в душе шелестит
Дерево света!

ОЗЕРО СВЕТА
Тени растут.
Но на их расход
Не бесконечна смета.
Каждый от дерева света идет
К озеру света.

В светлом пространстве изобрети
Парус и лодку!
Чтоб в неизведанное войти,
Сделай находку!

В озере света
спрятан рассвет,
Скрыты закаты.
Происхождением
звезд и планет
Глуби чреваты.

Берег в исходе сияющих вод,
В жажде посадок.
Вырасти дерево, будет и плод
Светел и сладок.

Слушай, когда говорят.
Молви в молчанье.

Думай думу один,
Но поделись со всеми.
Плод вершин и глубин –
Светлое время.

* * *
Свежо над морем древнего Гомера,
и кажется, еще не пала Троя,
но в Дантов ад заходит наша эра
и ввысь летит. И здесь передо мною
вновь осень Пушкина,
и вновь по всей округе
летит листва в туманный омут Блока,
и в горних высях созревают вьюги,
торопят срок задуматься глубоко,
пока еще нет бури над заливом,
и птицы не щадят свои свирели,
и девушкам, веселым и счастливым,
все вымыслы и вздохи надоели…

* * *
Как хорошо, что земля еще шар,
А не загон вроде плоского круга,
Дабы народы – удар на удар –
К сходу земли не теснили друг друга.

Как хорошо, что есть горы, поля,
Есть еще место в лесной глухомани,
И перекрыта морями земля,
Могут за морем укрыться земляне.

Можно в пещеру нырнуть от врага,
И к полюсам отколоться на льдине.
Можно зарыться в седые снега,
И углубиться в сухие пустыни.

Можно уплыть, к антиподам бежать,
Век пережить, и упорные дети
К прежним корням возвратятся опять
По обтекаемо-круглой планете.

БУДУТ ЛИ ЗАЙЦЫ
Если зайцев вооружить
чтобы они истребили волков
будут ли зайцы
волков истребив
истреблять друг друга?
Будут ли зайцы
истреблять тех
кто их вооружил?
Будут ли
зайцы?

МОРЕ
Море дышит жабрами на закате
и уходит в море
море вздыхает
легкими на рассвете
и уходит в небо
небо дышит морем ночью
и утром выдыхает огонь солнца
и земля в море
быть может
только камень
упавший
с сердца неба